

В Е Р А
Калачкова

Короткая память

Р О М А Н

МОСКВА
2024

*Секреты
женского счастья*

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкова

Короткая память

Р О М А Н

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*

Колочкова, Вера.

К61 Короткая память / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-04-202535-8

Долгое время Павел жил в собственной семье словно в заложниках. Его жена Нинель — красивая, но избалованная, инфантильная женщина. Они сошлись против его воли: мать Павла надавила на него, когда узнала, что Нинель ждет ребенка. Дочурка Ниночка стала единственным лучиком света в этом непроглядном тёмном царстве.

Когда Павел встречает женщину, в которую по-настоящему влюбляется, он встает перед непростой дилеммой: остаться в семье из чувства долга или уйти, чтобы попытаться наконец построить счастливые отношения. Павел прислушивается к своему сердцу и уходит от жены, но не догадывается, чего ему это будет стоить. Нинель настраивает дочь против отца, и та отвергает его. Сможет ли Павел когда-нибудь примириться с Ниночкой или его выбор в пользу любви потребует жестокой расплаты?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2024

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-202535-8

Детей своих рабски порой любя,
Мы их превращаем в своих мучителей.
Когда же родители любят себя,
То дети молятся на родителей.

Э. Асадов

«Детей своих рабски порой любя...»

Уехал папа навсегда...
Да что грустить о нем?
Сказала мама:
— Ерунда,
Без папы проживем.
Сидит девчонка во дворе,
Ей неохота к детворе.
Девчонка, дождик и скамья,
Девчонка с мамой — вся семья...
А дождик с крыши:
Кап, кап, кап,
Промокло платье,
Тапочки.
Девчонка шепчет:
— Слышишь, пап,
Ты возвращайся,
Папочка...

О. Бондур

«Девчонка, дождик и скамья»

Часть I

— Елена Михайловна, погодите! Погодите, не уходите!

Голос консьержки прозвучал выстрелом в спину, и даже сердце трепыхнулось болью и прошептало тихо, с досадой — черт тебя подери, старательная ты наша... Ну что тебе в своей конторке не сидится, чего опять выскакиваешь? Если объявление есть, так напиши на листочке да на входной двери повесь. Кому надо, прочитают. И нечего к людям лишний раз приставать. Или она думает, что кто-то оценит ее старания? Вот заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет. В данном случае — не дурака, дуру-консьержку... Как ее зовут? Ларисой вроде... А может, и не Ларисой, теперь уж все равно. Хотела мимо прошмыгнуть мышкой, да не тут-то было.

А Лариса, или как ее там, уже выстроилась впереди тяжелым изваянием, сверкает любопытными глазками. Сейчас допрашивать начнет, что да как. Сколько ей лет, интересно? Шестьдесят? Семьдесят? Пора бы уж остепениться с неумным интересом к чужой жизни. Или наоборот? Чем старше консьержка, тем больше возникает интереса?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну? Что вы хотели? Спрашивайте скорей, я топлюсь вообще-то! — проговорила не очень вежливо, грубо даже.

— Да я ничего, Елена Михайловна... Я только предупредить хотела, что сегодня лифт не работает, что-то у них там сломалось. Но к вечеру уже обещали сделать! А я смотрю, у вас пакеты тяжелые... Может, я помогу вам их на шестой этаж поднять?

— Нет, спасибо. Я сама. Позвольте пройти...

— Да, конечно, конечно... Я только спросить хочу... Как там Нинель? Боже, какая семья чудесная была... Прямо загляденье, я просто налюбоваться не могла... Такая у вас доченька красавица, такая внученька милая! Кто ж мог подумать, что ваш зять так поступить сможет, Елена Михайловна... А с виду такой приличный мужчина... Вы-то сами как? Небось очень переживаете, да?

— С чего вы взяли? И вообще... Откуда у вас такая информация? Все нормально у нас...

— Да как же нормально, я разве не вижу? Вон опять вчера скорая к вам приезжала... Что, Нинель сильно переживает, да? Заболела на нервной почве? Я уже больше недели ее не вижу... Совсем из дома не выходит, да? Что с ней, Елена Михайловна?

Боже, противная какая... Так и сыпет, так и сыпет горохом. Не остановишь, слово не вступишь. И голос такой притворно сочувствующий! Будто этим обманчивым сочувствием можно скрыть пресловутую жажду информации. Почему, почему людям так интересно, как протекает чужое горе? На бережку хочется посидеть, полюбоваться?

Короткая память

— А у Нинель все хорошо, знаете ли. Все нормально. Зря вы так беспокоитесь, совершенно зря! — произнесла бодро, глянув с улыбкой на консьержку. — Пустите-ка, я пройду...

— Да как же зря, Елена Михайловна, как же зря! Вон и соседка по вашей лестничной площадке говорила, что давно Нинель не видела... И будто бы она слышала, как Нинель плакала. Вы думаете, я ничего не понимаю, что ли? Еще как понимаю... Сама такое пережила. Меня ведь тоже муж бросил... Уж десять лет с тех пор прошло, а как вспомню, так сердце болью заходится! Ох, как мне плохо тогда было, как плохо... Когда сама такое переживешь, лучше понимаешь чужое горе, чужую боль.

Ах, вот оно в чем дело... Решила чужой болью свою немного перешибить, понятно. Если у меня коровы нет, то пусть у соседа тоже корова сдохнет, чтоб не обидно было. Понятно...

— Да говорю же вам, все хорошо! — произнесла Елена Михайловна со злостью и даже сделала шаг вперед, будто пытаясь тем самым оттеснить возникшее на пути препятствие. — Нинель просто немного простудилась, потому из дома не выходит, и все! Никакого горя у нас нет, все замечательно!

— Ну зачем же вы так, Елена Михайловна... — произнесла консьержка, уступая ей дорогу. — Я ж понимаю, я от души сочувствую... Может, я вам и впрямь помогу с пакетами, а?

— Да я же сказала, не надо!

Отмахнулась и начала быстро подниматься по лестнице, будто боялась, что консьержка догонит ее

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и снова начнет мучить своим любопытством. Уже на третьем этаже сердце запрыгало, дыхание перехватило, пришлось передышку сделать. И впрямь пакеты тяжелые. Да еще этот наглый допрос из себя вывел... Все людям надо знать, что ж такое? И кто этих консержек придумал, зачем? Чтобы сплетни про жильцов собирать? Не дом, а большая деревня, ей-богу...

Хотя чего она сердится — дом-то хороший в самом деле. Планировка шикарная, квартиры просторные. Как-то Нинель ей сказала, почему нынче квадратные метры в их доме продают, так у нее просто глаза на лоб от удивления вылезли! Хотя и приятным было это удивление — мол, счастье какое, что дочка в таких прекрасных условиях живет. Повезло с мужем...

Да, Павел эту квартиру купил сразу после свадьбы, привел туда Нинель. Она еще девчонка совсем была, ничего в жизни не понимала. Но ее-то материнские глаза сразу все увидели, все оценили! Шикарная квартира, просто шикарная! Мечта! А Нинель... Что Нинель? Ее тогда только собственное отображение в зеркале интересовало да количество красивых модных тряпочек. А их тоже в достатке было, тряпочек этих. Павел не жадный был, тут ничего не скажешь. Да и вообще... Нет к нему претензий, кроме одной, самой главной... Зачем, зачем Нинель бросил, к другой ушел? Чем она ему не угодила? Верная была, преданная... Да, много ума бог не дал, но разве это для женщины главное? Тем более для жены...

Вздыхнула горько, дальше потащилась по лестнице. А мысли не отпускают, им ведь только волю дай... А самое обидное — так все это неожиданно на голо-

Короткая память

ву обрушилось! Жили себе да жили, и хорошо жили, Нинель такой счастливой была... Порхала как бабочка. Крылышками нарядными трепетала. Никаких забот, одно чистое счастье. Жить бы да жить, господи! Хотя чего уж теперь-то... Теперь все в прошлом. Оборвал Паша ей крылышки-то. Как есть оборвал. Бессовестный. Да разве ж так можно было... Ведь знает, какая она... К жизни не приспособленная...

С каждым шагом обида и злость на зятя росли, хотя вроде и расти больше некуда. А как иначе, как? Ведь все сердце изболелось уже за доченьку драгоценную! Бабочку легкокрылую, белокурого ангела ясноглазого! Вся ее жизнь — в доченьке... Вся душа в нее вложена, все силы материнские. Смысл всей неказистой жизни... Растила ее, как нежный цветок, а теперь вынуждена смотреть, как тот цветочек сломали безжалостно.

Наверное, сама виновата, если по большому счету. Недодала доченьке чего-то главного. Стойкости в ней не воспитала, как сейчас модно говорить — стрессоустойчивости. Наверное, зря даже именем таким нежным назвала — Нинель?

Хотя чего уж теперь сожалеть — поздно. Только сердце зря рвать. Нельзя его рвать, пригодится еще. Жить надо, сильной быть надо. Хоть и возраст уже не обманешь, силы не те, не те... Но все равно — нельзя о покое думать! Какой такой покой? Это ж как в стихах — покой нам только снится... Нет, нет! Где покой, там и смерть близко. А умирать ей никак нельзя — Нинель же совсем одна останется. И свою дочку поднять не сможет...

А все-таки странно — почему Нинель дочку Ничочкой назвала? Что за путаницу такую придума-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ла — Нинель да Ниночка? Получается, теперь обе Ниночки... Спросила ее однажды — зачем так? А Нинель ответила капризно — ничего ты не понимаешь, мам... Я так хочу, я так специально сделала. Пусть Паша теперь всегда говорит про нас — мои Ниночки... Пусть мы будем для него неразделимы — дочка и я. Двойное счастье. Красиво же, правда?

Вот вся в этом Нинель и есть — пусть будет красиво, а остальное не важно. Красивое личико, красивая одежда, красивые семейные фотографии в интернете... Ох, как она любила себя с дочкой фотографировать, как любила выставлять напоказ красоту! И подписывать при этом хвастливо, вроде «мы папины радости», «две папины Ниночки», «ждем нашего папочку»... А папочка взял да бросил, и нечем теперь хвастать, выходит! Дохвасталась...

Так ушла мыслями в досаду, что не заметила, что поднялась на лишний этаж. На шестой надо, а не на седьмой! Вот же ворона старая... Только зря силы израсходовала.

Прежде чем открыть своим ключом дверь, постояла, отдышалась немного. Попросила мысленно — господи, дай мне сил... Дай сил не расплакаться, не усугубить дочкино состояние. Как сказал недавно врач скорой помощи — опасно пограничное...

* * *

Встретить ее вышла Ниночка, проговорила совсем взрослым для восьмилетнего ребенка голосом:

Короткая память

— Хорошо, что ты пришла, бабушка. Я тебе звонила, ты не ответила. Хотела, чтобы ты быстрее пришла...

— Прости, я не слышала. Телефон в сумке был. А что такое, Ниночка?

— Да маме совсем плохо... Я ей воды принесла, а она даже стакан взять не может, руки сильно дрожат. И с утра ничего не ела. И молчит... Я разговариваю с ней, а она не отвечает. Я боюсь, бабушка...

— Чего ты боишься? Не бойся. Пусть мама молчит. Хоть не плачет и не кричит, и то ладно. А таблетки она пила, не знаешь?

— Нет... Только одну воду пила. Лежит, отвернулась к стене и молчит. Может, еще пусть врачи придут, а?

— Да уж надоели мы врачам-то... Уж сколько раз вызывали... Нет, не надо, я думаю. Боюсь, только хуже сделаем. Еще маму в психушку заберут, не дай бог...

— А что это — психушка, ба?

— Ну, это больница такая... Особенная... Кому очень плохо или у кого горе какое, того туда увозят...

— Так ведь маме как раз плохо! У нее горе! Папа нас бросил!

— Ну, я не такое горе имела в виду... И это не горе вовсе... Это у мамы пройдет, Ниночка. Само пройдет...

— И тогда папа вернется, да?

Елена Михайловна только вздохнула, отводя глаза. И поймала себя на мысли, что разговаривает сейчас с Ниночкой как со взрослым человеком.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

А так ведь нельзя, нельзя... Она ж маленькая еще, не понимает ничего. Но на вопросы все равно отвечать надо, никуда не денешься. Знать бы еще, как на них отвечать... Ну как, как объяснишь ребенку, что происходит? И Нинель тоже хороша — позволила себе расклеиться. Лучше бы Ниночку пожалела!

— Так он вернется или нет, ба? — тихо и требовательно повторила Ниночка.

Опять вздохнула. Вместо ответа произнесла строго:

— А ты сама-то ела сегодня что-нибудь? Или голодом сидишь?

— Ела. Бутерброд с колбасой.

— И все? А обедать? Я же вчера борщ сварила! И котлеты в холодильнике, в кастрюльке... И картофельное пюре...

— Я не хочу. Мама ничего не ест, и я тоже не буду. Пусть меня вместе с ней в ту больницу отвозят! В психушку!

— Ох, Ниночка, Ниночка... Ну что ты такое говоришь, сама не понимаешь! Ну нельзя же так, Ниночка! Давай я тебя в деревню к тете Тамаре отвезу... Уж сколько раз предлагала... Там хорошо, там лес и речка, там грибы с ягодами... А? Давай?

— Да отстань ты от меня, ба... Не поеду я к твоей тете Тамаре. Мама тут болеет, а я уеду, что ли? Скажешь тоже!

— Так я же как лучше хочу, Ниночка... Чтоб тебе не глядеть на все это... А потом, знаешь... Ведь маме так даже лучше будет! Она быстрее поправится

Короткая память

и тоже к тебе приедет! И вместе будете в речке купаться, в лес ходить...

— Вот когда поправится, тогда и поедем, — сухо произнесла Ниночка, глядя исподлобья. — И не приставай ко мне больше, ба.

— Ладно. Не буду. Я уж знаю, какая ты упрямая.

— Тем более папа все равно скоро вернется к нам. Я знаю, что он вернется. Я ему сегодня звонила.

— Да? И что он сказал?

— Да то же самое, что и раньше. Что они с мамой больше не будут жить вместе. И что будто бы для меня это ничего не значит, все равно он меня любит... Ерунда какая-то, правда? Я так ему и сказала — не говори ерунды! Как это можно — не жить вместе и все равно любить? Так же не бывает, бабушка! Ведь правда? Он сам поймет, что ерунду говорит, и вернется! А иначе... Иначе он мне и не папа вовсе!

— Да как же, Ниночка... Зачем ты так говоришь? Он все равно твой папа! Так навсегда твоим папой и останется.

— А мама? Как же тогда мама? Ведь она без папы не может, не может! Ты что, сама не видишь, что ли? И пусть он тоже приедет и посмотрит, как маме без него плохо! Как она без него умирает! И тогда он поймет... И никуда не уйдет! Или... Или я тоже заболею, как мама... И мы вместе тогда умрем...

— О господи, Ниночка! Что ты говоришь! Не пугай меня! Чтобы я больше таких ужасных слов от тебя не слышала! Если тебе обидно — ты лучше поплачь... После слез всегда лучше становится!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ага, лучше... Вон мама сколько плакала, а лучше не стало! Теперь уж и не плачет...

— Ну тогда поешь хотя бы... Давай я тебе борща разогрею?

— Не хочу! Сказала же! — скривила губы в недовольной гримаске Ниночка. — Ты лучше маму угости поест, а я не буду! И вообще, не хочу больше с тобой разговаривать, потому что ты не понимаешь ничего! Папа нас бросил, а ты его защищаешь! Да как ты можешь вообще?

Повернулась, ушла. Елена Михайловна осталась стоять посреди кухни, разведя руки в стороны. Ну что за характерец у внучки, а? Упрямая, себе на уме! Ни в мать, ни в отца. Что из нее вырастет — один бог ведает...

Почему-то на цыпочках она вошла в спальню, встала у изножья большой кровати. Та же картина, ничего со вчерашнего дня не поменялось. Лежит доченька, скукожилась, коленочки к животу подтянула. И снова сердце ожгло жалостью-безнадегой — ангел мой, кровиночка, звездочка ясная, чем же тебе помочь-то?

Очень хотелось заплакать, завывать в голос, но пересилила себя, произнесла нарочито бодренько:

— Ну все, доченька, хватит лежать! Залежишься! Ну впрямь, нельзя же так... Мало ли, что в жизни бывает! Ничего, проживем как-нибудь! Я тебя вон одна растила, твой отец тоже меня бросил... Тебе тогда еще и годика не было... И ничего, вырастила! И ты тоже Ниночку вырастишь, ничего!

Нинель чуть приоткрыла глаза, и тут же пробежала по ее лицу гримаса насмешливой брезгливости.

Короткая память

Елена Михайловна даже испугалась — что это с ней? И вздрогнула, когда зазвучал голос дочери — тоже с брезгливо-трагической ноткой:

— О, какие новости, мам... Оказывается, у меня был отец? Насколько я знаю, ты и замужем-то никогда не была! Даже меня на свою фамилию записала, на девичью! А сейчас вдруг заявляешь — меня отец бросил! И что? Думаешь, мне от твоего вранья легче стало?

Нинель распрямилась пружиной, села на кровати, глянула на мать. Глаза были сухими, злыми, и Елене Михайловне даже показалось — ненависть в них плещется. Отчаянная, жесткая, неожиданная:

— Зачем, ну зачем ты врешь, мам? С какой целью? Отца какого-то придумала, надо же! Не было у меня никакого отца, никогда не было! Да ты и сама не знаешь наверняка, от кого меня родила, ведь так?

Ох, как больно... Как больно бьют по сердцу слова дочери... Но надо терпеть. Ничего не сделаешь, надо терпеть. Помогите мне, господи, дай сил...

— Да, доченька, правду ты говоришь, да. Не было у тебя отца, правда. Я тебя для себя родила, признаюсь. То есть был отец, конечно... От святого духа ведь дети не рождаются, это понятно. Да только он и не знает про тебя, я ведь ничего ему не сказала. В командировке была, когда мы с ним... А потом уехала, и все. И тебя родила. А он так и не узнал...

Говорила и сама не узнавала своего голоса — льется елеем, спокойненько так, словно водичка бежит по камушкам. Видать, господь услышал, дал сил да терпения. И дальше льется голос, не умолкает:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Но я ведь старалась, доченька! Я так старалась, чтобы ты в любви росла, в нежности... Все только для тебя, моя доченька... Вся моя жизнь для тебя...

— И что? Я теперь в ноги тебе упасть должна, так, что ли?

— Нет... Зачем ты так... В чем я перед тобой виновата... Я люблю тебя, как умею, я жизнь могу для тебя отдать...

Лицо Нинель снова исказилось судорогой, и словно перевернуло его в обратную сторону — вместо злобы и ненависти появилось на нем выражение прежнего тоскливого отчаяния. Снова глаза стали пустыми, безжизненно повисли плечи, и снова она улеглась в ту же позу эмбриона — обхватила колени руками, подтянула к животу. И проговорила тихо и тускло:

— Извини, мам, но у меня сил нет... Даже с кровати встать сил нет... И жить... И дышать нет сил... Я так больше не могу, не могу... Уйди, пожалуйста, мам...

— Доченька, да как же так-то! Ну чего ты так расклеилась, милая моя! Все образуется, вот увидишь! Проживем! Я всегда, всегда буду рядом!

— Да при чем здесь ты, мам... Что мне с того, что ты рядом? Подумаешь, какое счастье... Ты же сама понимаешь...

— Конечно, понимаю! Да только в чем уж такое горе, сама подумай! Ну, муж ушел... С кем не бывает? Что теперь, не жить? В любом случае надо жить!

— Надо. Наверное. Но я не могу. Просто не могу, и все. Я не хочу такую жизнь, мама. Не хочу.

Короткая память

— Ну, мало ли, чего мы хотим, чего не хотим... Жизнь — она в любом случае жизнь. Как бы ни сложилась, а жить ее надо. Ну же, Нинель, пересиль себя... Прими, смирись. В конце концов, у тебя ребенок! У тебя есть ответственность за Ниночку! Она ведь тоже переживает... Ну хотя бы Ниночку пожалей! Ты ей нужна, ради нее вставай и живи!

— Мам, ну чего ты от меня хочешь? Отстань! Ты же видишь, я не могу... Мне плохо, у меня все внутри болит...

— Я понимаю, доченька. Но все равно надо себя пересилить.

— Как? Как, я не понимаю? Как?

— Так я ж тебе говорю — хотя бы поднимись для начала. Поешь. Выйди с Ниночкой погуляй. Ну вспомни ты о дочери, в конце-то концов! Может, ей сейчас еще хуже, чем тебе! Она же все дни около тебя сидит, караулит. Не по силам ей такая ноша, пойми. Как бы с ней чего совсем плохого не приключилось...

— А почему Павел ее не пожалел? Почему, объясни? Ведь он должен был понимать, что будет с его ребенком! Что будет со мной! Почему?!

— Ну знаешь... Мужики, они ж по-другому устроены. Чего под них подстраиваться-то? Женщина все видит по-своему, а мужик — по-своему. И вообще... Он ведь не с Ниночкой разводится, а с тобой. Ты, может, ее даже больше страдать заставляешь, чем он...

— И что? Мне теперь умереть надо, чтобы никто не страдал? Так и оставьте меня в покое тогда! Дайте умереть нормально!